

М.П. Чубинский

**Наука уголовного права и ее
составные элементы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.П. Чубинский**
Наука уголовного права и ее составные элементы / М.П. Чубинский – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 76 с.

ISBN 978-5-517-96655-1

Наука уголовного права и ее составные элементы.

ISBN 978-5-517-96655-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

НАУКА УГОЛОВНОГО ПРАВА И ЕЯ СОСТАВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ¹⁾.

„Dem Juristen, als Techniker, dem seine begrenzte Aufgabe der praktischen Durchführung bestimmter Rechtsordnung genau gegeben ist, verbleibt dann nichts, als einfach jener Weisung nach nun durchzugreifen; dem Juristen, als philosophisch denkendem Manne, geziemt die Frage: ob dies Gebot, das wir jetzt unterstellen, so, wie es ist, denn auch sein sollte?“

R. S t a m m l e r.

„Bitter wird uns noch heute unsere politische oder kritische Aufgabe bestritten; gerade die officielle Jurisprudenz unserer Hochschulen sträubt sich noch immer in vielen selbst ihrer besten Vertreter, mindestens durch passives Verhalten, gegen deren Anerkennung“.

P. O e r t m a n n.

I.

Въ жизни наукъ, какъ и въ жизни обществъ человѣческихихъ, не существуетъ ровнаго, неустаннаго, спокойнаго и безболѣзненнаго развитія. Мы должны признать это даже относительно такъ называемыхъ чистыхъ наукъ, если вспо-

¹⁾ Предлагаемая статья представляеть собою часть подготовляемаго нами къ печати обширнаго труда. Литература по вопросамъ, затрогиваемымъ данной статьей, почти необъятна, ибо трудно найти криминалиста, который ни разу не высказался по вопросу о предѣлахъ и содержаніи своей науки; изъ главнѣйшихъ

мнимъ хотя бы исторію открытій Галлілея въ астрономіи, но въ области наукъ прикладныхъ, а въ особенности социальныхъ, это связывается преимущественно. Указанныя науки знаютъ и бури революцій, и періоды реформаціонные, и періоды затишья, и разгары реакціи.

Да иначе и невозможно: наука есть отраженіе жизни человѣчества и не можетъ не раздѣлять судьбъ ея; попытки совершенно изолировать науку отъ жизни всегда вели къ ея упадку и омертвѣнію, сколь бы благими цѣлями ни вдохновлялись авторы этихъ попытокъ. Сверхъ того, абсолютная истина недостижима; возможно только приближеніе къ ней, неустанные поиски истины, и они связаны съ попытками проникнуть въ область неизвѣстнаго, связаны съ созданіемъ теорій и гипотезъ, которыя, питая науку, въ то же время не прививаются сразу: старые взгляды борются съ новыми и противопоставляютъ новымъ контръ-теоріи и контръ-гипо-

источниковъ укажемъ: Бѣлогриць-Котляревскій: „Задача и методъ науки уголовного права“, отт. изъ „Кіевск. унив. извѣст.“ за 1891 г.; Binding: „Strafgesetzgebung, Strafrecht und Strafrechtswissenschaft in normalen Verhältniss zu einander“, Zeitschr. für die ges. Strafr., B. I, 1881; Weinrich: „Strafrecht und Kriminalpolitik“, Z. f. d. g. S., B. 17; Weinrich: „Werth und Bedeutung der Kriminal-Anthropologie und Sociologie für die Strafrechtspflege der Gegenwart“, *ibid.*, ser. Abdr., годъ не указавъ; Вульффертъ: „Методы, содержаніе и задачи науки уголовного права“, Врем. Дешл. Лнца, 1891 г.; Wargа: „Die Abschaffung der Strafknechtschaft“ I, 1896; Garraud: „Rapports du droit pénal et de la sociologie criminelle“, Arch. de l'anthropol. crimin. et des sciences pénales, T. I, 1886; Gauckler: „De la peine et de la fonction du droit pénal au point de vue sociologique“, Paris-Lyon, годъ не указавъ; Garofalo: „La Criminologie“, 1890; de la Grasserie: „L'avenir du droit pénal“, La scuola positiva nella giurisprudenza penale, 1901, № 1; Gumpłowicz: „Sociologie und Politik“, 1892; Dorado: „La sociologie et le droit pénal“ Ann. de l'instit. intern. de sociologie“, 1895, I; Дриль: „Преступность и преступники“, 1895, Духовскоѣ: „Задача науки уголовного права“, 1872; Есиповъ: „Очеркъ русскаго уголовного права“, ч. общ., 1894; van Calker: „Politik als Wissenschaft“, 1898; Cuche: „Un peu de terminologie“, Rev. pénitent., 1900, 3; Cuche: „La science pénitentiaire, son domain, sa méthode“, Ann. de l'université de Grenoble, t. XIII, 1901; Кнстьяковскій: рецenz. на указ. статью Духовскаго, К. унив. изв., 1874, дек.; Lammasch: „Criminalpolitische Studien“, Gerichtsaal, 1891, B. 44; Lucchini: „Le droit pénal et les nouvelles théories“ 1892; Maillard: „La politique criminelle“, 1899; Manouvrier: „l'Anthropologie et le droit“, Rev. intern. de sociologie, 1894, 4—5; Mittermayer: „Neuere Richtungen im Strafenwesen“,

тезы; въ результатѣ кое-что отвергается, а кое-что принимается и объявляется истиной; но принятое черезъ нѣсколько времени въ свою очередь подвергается сомнѣнью и начинаетъ оспариваться; вновь завязываетъ борьба несходныхъ мнѣній и т. д.

Эта борьба, являющаяся источникомъ безконечнаго прогресса науки, съ разной интенсивностью въ разные періоды происходила и въ наукѣ уголовного права, имѣющей за собой многовѣковое существованіе; удовлетворяя запросамъ жизни, подвергаясь натиску ея требованій, наука уголовного права пережила нѣсколько формаций, измѣняясь какъ по своей формѣ, такъ и по содержанию. Здѣсь трудно было бы дать очеркъ этихъ измѣненій въ ихъ исторической перспективѣ, но нельзя не отмѣтить, что за послѣдніе два вѣка реформаціонныя движенія проявились особенно сильно; первое изъ

Schweiz. Zeitschr. für Strafr., 1901; Набоковъ: „Содержаніе и методъ науки уголовного права“, Журн. Юр. Общ., 1896, 12; Netter: „Das princip der Vervollkommnung als Grundlage der Strafrechtsreform“, 1900; Oertmann: „Rechtswissenschaft und Rechtspolitik“, Preuss. Jahrbuch., В. 88, 1897, Н. 2; Петражицкій (v. Petrazkycki): „Die Lehre von Einkommen“, В. I—II; П—скій: „Къ вопросу объ объемѣ науки уголовного права“, 1902; Пюнтковскій: „Наука уголовного права, ея предметъ, задачи, содержаніе и значеніе“, 1895; Prins: „Science penal et droit positif“, 1399; Saleilles: „L'individualisation de la peine“, 1898; Stoops: „Was ist Kriminalpolitik“, Schweiz. Zeitschr. für Strafrecht, 1894, VII; Сергѣевскій: „Русское уголовное право“, изд. 3, 1896; Sergiewsky: „Das Verbrechen und die Strafe als Gegenstand der Rechtswissenschaft“, Zeitschr. für d. g. Strafr., 1881, В. I; Stämmler: „Wirtschaft und Recht“, 1896, В. I—II; Таганцевъ: „Лекціи по уголовному праву“, в. I и 3; Таганцевъ: „Предметъ науки уголовного права“, Право № 51 и 52 за 1901 годъ; Ferris: „La sociologie criminelle“, 1893; Ferris: „La justice pénale“, 1898; Grassati: „Die Stellung des Strafrechts und die neuen Bestrebungen“, Gerichts., В. 49; Фойницкій: „Ученіе о наказаніи“, 1889; Фойницкій: „Уголовное право, его предметъ, его задачи“, Суд. Ж., 1873; Чубинскій: „Общая характеристика новыхъ ученій въ уголовномъ правѣ“, 1898. См. также: v. Hamel: „Kriminal-Aetiologie“, Zeitschr. f. d. g. Strafr., 1901; Н. Meyer: „Lehrbuch“, 1895; Merkel: „Lehrbuch“, Liertmann: „Einleitung in das Strafrecht“, 1900; Чубинскій: „Мотивъ преступной дѣятельности и его значеніе въ уголовномъ правѣ“, 1900, и мн. др. Особенно важное значеніе для вопроса имѣютъ работы Листа; см. Liszt: „Lehrbuch“, 6 Aufl.; „Criminalpolitische Aufgaben“, sep. Abdr. aus Zeitschr. f. d. ges. Strafr.; „Die Aufgaben und die Methode der Strafrechtswissenschaft“, Z. f. d. g. Strafr., 1900, В. 20 и др.

нихъ ознаменовало собою послѣднюю четверть XVIII вѣка и вызвало повсемѣстную реформу уголовного законодательства, второе совершается на нашихъ глазахъ, начиная съ послѣдней четверти XIX вѣка и сулитъ еще болѣе обильные плоды, ибо за столѣтіе гений и трудъ человѣчества накопили массу матеріала, который, будучи внесенъ въ науку уголовного права, не можетъ не двинуть ея далеко впередъ.

И остальная область юриспруденціи не осталась чуждой могучему реформаціонному движенію, о которомъ идетъ рѣчь, но наиболѣе ярко оно отразилось на наукѣ уголовного права, ибо она отличается особой чуткостью и разносторонностью; какъ справедливо замѣтилъ Вальбергъ, „въ томъ и заключается привлекательность, слава и опасность науки уголовного права, что оно, какъ никакая другая отрасль правовыхъ наукъ, можетъ быть изучаемо съ различнѣйшихъ точекъ зрѣнія и что все богатство его содержанія только тогда ясно будетъ сознано, когда для углубленія и укрѣпленія его научныхъ приобрѣтеній и итоговъ будутъ позаимствованы новыя точки зрѣнія изъ пограничныхъ съ нимъ областей знанія“¹⁾. Сверхъ того необходимо указать, что уголовное право, гдѣ рѣшаются вопросы, затрагивающіе важнѣйшія жизненные блага гражданъ и важнѣйшіе интересы общезитія, всегда находится въ живой связи съ политическими формами, правовыми, этическими и экономическими идеалами и потребностями общества.

Изъ обширной уголовно-правовой сферы, захваченной новымъ движеніемъ, мы избрали для изслѣдованія вопросъ о томъ, изъ какихъ элементовъ должна слагаться и въ какихъ предѣлахъ должна выступить въ наше время наука уголовного права. Дѣло въ томъ, что смѣлымъ ударамъ критической мысли подверглись не только отдѣльные институты, прежде казавшіеся безспорными и неизблемыми, но и самое понятіе науки уголовного права и объемъ ея компетенціи. Издавна укрѣпился и занялъ господствующую позицію тотъ

¹⁾ Wahlberg: „Criminalistische und nationalökonomische Gesichtspunkte“, Vorrede, S. V.

взглядъ, что наука уголовного права есть юридическая дисциплина, изучающая преступленіе и наказаніе, какъ отвлеченныя юридическія понятія, т. е. взглядъ, ставившій науку уголовного права въ тѣсныя, строго очерченныя рамки и подчеркивающій ея, такъ сказать, формальный характеръ. Въ двадцатый же вѣкъ мы вошли съ цѣлымъ рядомъ новыхъ требованій, стремящихся то къ поглощенію уголовного права другими науками, то къ расширенію его предѣловъ, то, наконецъ, къ скромной связи его съ другими науками; благодаря этому, накопляется масса матеріала, предлагаются новыя дисциплины, выдвигаются новыя задачи. Криминалисту необходимо разобраться во всемъ этомъ и рѣшить, что должно произойти съ его наукой, о чемъ она можетъ сказать — „это не мое дѣло“, а о чемъ—нѣтъ, въ какомъ направленіи, для какихъ проблемъ и съ помощью какихъ методовъ должна вестись научная разработка.

Когда заходятъ рѣчь о расширеніи рамокъ науки уголовного права, то и въ германской, и въ нашей литературѣ нерѣдко указываютъ, что преимущественно „подобныя мнѣнія слышатся среди неспеціалистовъ“ ¹⁾, т. е., иными словами, даютъ понять, что за расширеніе указанныхъ рамокъ ратуютъ главнымъ образомъ люди недостаточно компетентныя. Это указаніе столь нерѣдкое, что его не мѣшаетъ разобранъ. Допустимъ на минуту, что оно справедливо; и въ этомъ случаѣ оно не можетъ быть убѣдительнымъ аргументомъ въ пользу сохраненія узкихъ рамокъ науки уголовного права: 1) неспеціалисты смотрятъ со стороны и могутъ быть вполне безпристрастными, и 2) неспеціалисты не разъ уже сослужили великую службу уголовному правосудію; при изученіи исторіи уголовного права мы на каждомъ шагѣ видимъ, что творцами новыхъ ученій и великихъ реформъ являлись не криминалисты, а иногда даже и не юристы въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а (употребляя образное выраженіе Принса) ²⁾ „мыслители съ яснымъ и вѣрнымъ взглядомъ на

¹⁾ См., напримеръ, Н. С. Таганцевъ, *ук. ст.*, Право № 51, стр. 2281.

²⁾ Prins: „Leçon d'ouverture du cours d'histoire de la pénalité (годъ не указанъ)“, р. 88—89.

вещи и людей, для которыхъ великая книга жизни не была закрытой книгой“. Вспомнимъ хотя бы Локка, Томази, Вольфа, Беккарию и Вольтера; они, во имя разныхъ лозунговъ, которыми являлись то природныя права человѣка, то чистый разумъ, то общественная польза, то гуманность, требовали реформъ, вызывали ихъ и оставили глубокой слѣдъ въ наукѣ уголовного права, тогда какъ спеціалисты-криминалисты, съ пользою служа своему времени разработкой и толкованіемъ уголовного законодательства, въ то же время являлись тормазомъ научному прогрессу, ибо упорно боролись противъ реформаторскихъ идей, отстаивая каждую пядь традиціонныхъ научныхъ понятій и не заботясь объ удовлетвореніи назрѣвшихъ потребностей духа.

Значить, если бы и въ наши дни за реформу въ наукѣ уголовного права стояли неспеціалисты, это еще не рѣшило бы спорнаго вопроса. Но въ дѣйствительности дѣло обстоитъ иначе. Хотя и теперь большинство криминалистовъ (особенно въ Германіи) стоитъ за „правовѣрную юриспруденцію“, хотя и теперь встрѣчаются криминалисты (напр., Petit и Marie), которые утверждаютъ, что *всякое* преступленіе *одинаково* нарушаетъ правопорядокъ и моральный законъ, а потому встаютъ противъ широкой индивидуализаціи наказанія, хотя и теперь Биндингъ, высокоавторитетный нѣмецкій криминалистъ, этотъ Карпцовъ нашего времени, признаетъ преступникомъ лишь нарушителя *нѣмецкой* нормы, упорно отстаиваетъ формальный взглядъ на преступленіе и наказаніе и въ основу всей своей системы кладетъ обязанность послушанія со стороны гражданъ, какъ будто насажденіе послушанія можетъ являться само по себѣ главнѣйшей задачей для власти,— но, съ другой стороны, очень многіе криминалисты требуютъ компромиссовъ, измѣняющихъ прежній характеръ науки уголовного права, и стоятъ за сближеніе между строго-юридической и социальнo-этической точками зрѣнія, а цѣлый рядъ криминалистовъ, рѣшительныхъ сторонниковъ „новаго курса“, требуетъ фундаментальной перестройки современнаго научнаго зданія. Если мы уважемъ, что сюда относятся такія выдающіяся имена, какъ Гарофало, фанъ-Гамель, Ферри, Фой-

ниціи, Листъ и Принсъ, если мы прибавимъ сюда цѣлый рядъ болѣе молодыхъ криминалистовъ, какъ Говлеръ, Дорадо, Есиповъ, Кюшъ, Леффлеръ, Риго, Розенфельдъ, Ривьеръ, Салейль, Пюнтвовскій и мн. др., то мы можемъ рѣшительно отвергнуть утверженіе, будто бы расширенія рамокъ науки уголовного права требуютъ главнымъ образомъ неспеціалисты.

Перехода теперь къ рѣшенію вопроса по существу, мы можемъ отмѣтить три основныхъ типа теорій, несогласныхъ между собой въ опредѣленіи границъ науки уголовного права.

Одни находятъ, что уголовное право, въ томъ видѣ, въ какомъ оно до сихъ поръ существовало, не только не можетъ быть признано наукой, но и не имѣетъ права на существованіе; впредь оно должно потерять свой юридическій характеръ и раствориться въ антропологии и соціологии. Другіе требуютъ, чтобы уголовное право оставалось той строго-юридической наукой, какою оно было до сихъ поръ, и по прежнему занималось юридической конструвціей, т. е. изученіемъ преступленія и наказанія, какъ отвлеченныхъ юридическихъ понятій; устраняя изъ науки уголовного права антропологическій и соціологическій матеріалъ, какъ не юридическій, а потому и не входящій въ область права, обработку его предоставляютъ другимъ, „вспомогательнымъ дисциплинамъ“, но признаютъ (одни въ болѣеи степени, а другіе—въ меньшей), что съ выводами этихъ дисциплинъ наука уголовного права должна считаться. Наконецъ, третьи требуютъ, чтобы наука уголовного права, не растворяясь ни въ какой другой наукѣ, широко раздвинула свои рамки и занималась не только преступленіемъ и наказаніемъ, какъ отвлеченными юридическими понятіями, но и ихъ соціально-біологической подкладкой, т. е. изучала также и *преступность въ ея цѣломъ*, съ ея факторами и ея живыми дѣятелями, пользуясь уже готовымъ матеріаломъ, гдѣ онъ есть (конечно, при условіи его серьезной критической провѣрки), и изыскивая необходимый матеріалъ, если его нѣтъ на лицо; результатомъ такой постановки дѣла должны явиться не только необходимыя разъяс-

ненія настоящего, но и строго научныя указанія относительно будущаго.

Хорошо разобраться въ изложенныхъ взглядахъ мѣшаютъ нѣкоторыя неблагоприятныя обстоятельства, а главнымъ образомъ непоследовательность многихъ криминалистовъ, несоотвѣтствіе между ихъ программными взглядами на науку уголовного права и осуществленіемъ этихъ взглядовъ, вольное и невольное закрываніе глазъ на цѣлую серію существенныхъ фактовъ или на выводы, неизбѣжно вытекающіе изъ принятыхъ основныхъ положеній, и т. д. Такъ, напримѣръ, нерѣдко признаніе важности „вспомогательныхъ дисциплинъ“ остается совершенно платоническимъ и на дѣлѣ не реализуется, и нерѣдко, наоборотъ, признаніе важности юридическаго изученія парализуется цѣлымъ рядомъ дальнѣйшихъ разсужденій.

Для того, чтобы не запутаться, мы будемъ идти путемъ последовательнаго разрѣшенія тѣхъ отдѣльныхъ простыхъ вопросовъ, на которые разбивается сложный основной вопросъ.

II.

Можно ли изучать преступленіе и наказаніе исключительно съ юридической ихъ стороны? Если можно, то имѣетъ ли цѣну и важность такое изученіе? Вотъ, на что мы должны прежде всего отвѣтить. Первый вопросъ, казалось бы, не долженъ вызывать сомнѣній: безконечная вереница старыхъ, а отчасти и новыхъ, учебниковъ, монографій и статей не допускаетъ сомнѣнія въ положительномъ отвѣтѣ; только такое изученіе и составляло, по всеобщему прежде мнѣнію криминалистовъ, содержаніе и суть науки уголовного права. Правда, въ упомянутыхъ трудахъ нерѣдко попадаются мѣста, гдѣ авторы спускаются съ отвлеченно-юридическихъ высотъ, разсуждаютъ о реальныхъ требованіяхъ, предъявляемыхъ жизнью къ дѣятельности правосудія, и даже дѣлаютъ экскурсіи, совершенно лишеныя юридическаго характера, но вѣдь все это можно разсматривать, какъ „прискорбныя отступленія“ отъ общей принципіальной точки зрѣнія. Разсмат-

ривая же социальную жизнь людей, нельзя отрицать того признака, что эта совмѣстная жизнь является внѣшнимъ образомъ упорядоченной, т. е. регулируемой внѣшне-обязательными нормами ¹⁾, а слѣдовательно нельзя отрицать и того, что можно изучать этотъ внѣшній порядокъ, эти нормы и юридическія отношенія, изъ нихъ вытекающія. Это будетъ изученіе лишь *формы*, а не *содержанія*, ибо содержаніе составляетъ сама социальная жизнь, оставляемая этимъ изученіемъ въ сторонѣ; это изученіе разсматриваетъ матеріалъ лишь съ одной стороны, подѣ своимъ спеціальнымъ угломъ зрѣнія, но тѣмъ не менѣе *производитъ его вообще возможно точно такъ же, какъ можно изучать поверхность земли, оставляя въ сторонѣ свойства почвы и содержаніе нѣдръ, а слѣдовательно въ частности возможно и юридическое изученіе преступленія и наказанія, т. е. изученіе юридической стороны явленій, проистекающихъ изъ нарушенія нормъ, снабженныхъ карательной санкціей, нормъ уголовно-правовыхъ.*

Но здѣсь мы встрѣчаемся съ возраженіями со стороны Э. Ферри и П. Дорадо. По мнѣнію Ферри, занимаясь юридической стороной преступления и наказанія, дѣлать недѣлимое; юридическое изученіе, какъ нѣчто самостоятельное и отдѣльное отъ социологическаго изученія, существовать не можетъ; оно имѣетъ въ своей основѣ „несовершенную и старую идею юридическихъ явленій“; нельзя отрицать, что преступленіе, изучаемое, какъ юридическое явленіе, остается тѣмъ же самымъ, когда его изучаютъ, какъ социальное явленіе; достаточно правильно опредѣлить естественные факторы преступления, и тогда станетъ яснымъ, что „желаніе отдѣлить антропологическое (*naturelle*) и социологическое изученіе преступления отъ юридическаго его изученія является абсурднымъ“ ²⁾.

Сходно высказывается и Дорадо, утверждая, что „правовой порядокъ (*l'ordre des lois*) и естественный порядокъ явленій (*l'ordre des phénomènes naturels*) суть одно и то же“; законы дѣятельности и существованія человѣческаго общества не

¹⁾ Ср. Stammier, ук. соч. В. I, S. 91 и 108.

²⁾ Ferri, Sociol. crimin., p. 579—580.

являются и не должны быть ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ постояннаго и однообразнаго способа дѣйствій (*manière*), посредствомъ котораго общество и каждый изъ его членовъ осуществляютъ свои функціи при наступленіи однихъ и тѣхъ же причинъ“. Невозможно познать и провѣрить законы, управляющіе жизнью общества, не зная *фактовъ*, которые производятъ эти законы, не анализируя элементовъ, факторовъ каждаго явленія, каждаго соціального движенія ¹⁾).

Не трудно замѣтить, что вся аргументація Ферри сводится къ утвержденію того, что юридическихъ явленій нѣтъ, ибо всякое юридическое явленіе въ то же время есть и соціальное явленіе. Но отсюда вытекаетъ лишь *тождество объектовъ* юридическаго и соціологическаго изученія, и еще отнюдь не подрываются права перваго изъ нихъ на существованіе; вѣдь одинъ и тотъ же объектъ можетъ быть изучаемъ съ разныхъ сторонъ. Можно думать, что юридическое изученіе недостаточно для образованія отдѣльной науки, достойной этого имени, и не сможетъ достигнуть въ полномъ объемѣ даже своихъ специальныхъ цѣлей, но отсюда все-таки еще не вытекаетъ невозможность юридическаго изученія преступленія и наказанія.

Что же касается аргументаціи Дорадо, то она сходна съ аргументаціей Ферри и вызываетъ тѣ же возраженія; сверхъ нихъ можно еще указать на существующее у Дорадо смѣшеніе понятій: сперва онъ говоритъ о законахъ, подразумѣвая законы уголовные, гражданскіе и т. д., а затѣмъ, когда утверждается тождество законовъ и естественныхъ феноменовъ, когда характеризуются эти законы и способы ихъ изученія, то оказывается, что здѣсь подразумѣваются уже иные законы,—тѣ управляющіе ходомъ событій законы, открывать и изучать которые должна соціологія. Путемъ такого смѣшенія понятій, очевидно, нельзя доказать то, чего хочетъ авторъ.

Итакъ преступленіе и наказаніе могутъ быть предметомъ юридическаго изученія, преслѣдующаго свои specialныя техническія задачи. Оно изучаетъ выступающія на историческую

¹⁾ Dorado Pedro, ук. ст., p. 312—313.